

14 FEB 1970

Я РЕШИЛА провести несколько неожиданный эксперимент. Для начала, подойдя к делу с надлежащей ответственностью, я выдвинула рабочую гипотезу. Она состояла вот в чем — люди одаренные или просто нашедшие себя в своей профессии должны быть в чем-то сродни друг другу.

В чем же?

Быть может, в обаянии? Но это, пожалуй, слишком внешняя черта, которая далеко не всегда сопутствует таланту. Бывают — и это нередко — таланты трудные, пожалуй, даже тяжеловесные, как глыба. Тогда, быть может, в одержимости? Да, именно это больше всего роднит людей одаренных, увлеченных и сосредоточенных на чем-то. Постоянный поиск, неуспокоенность, стремление к совершенству в своем профессиональном мастерстве и невозможность его достигнуть, и снова неудовлетворенность, и опять поиск — таковы несомненные черты таланта. Но, как и чем измерить, прощупать, ошутить эти черты?

И тут меня — и, право, я этим очень горжусь — снова осенило: надо попробовать вернуть человека в его юность, узнать о его самых ярких впечатлениях той поры. И суть дела даже не в самом фак-

— Мой случай скорее трагический. Я хочу рассказать, как я поступала в театральный вуз. Я всегда мечтала быть актрисой. Мечтала о том, что поступлю в студию МХАТа. Подала заявление, пришла, увидела, что там очень красивые юноши, красивые девушки. Мне показалось, что я очень нелепо и плохо выгляжу среди них всех. Я была очень крупная, такая же, как и сейчас. С абсолютно детским лицом, мне не было еще шестнадцати лет. И, видимо, сочетание такой детской физиономии и очень грузного тела производило довольно странное впечатление.

Какая-то тайная надежда на то, что все-таки вдруг я сумею победить, во мне существовала. И когда я слышала разговор о том, что кто-то сдает сразу одновременно во МХАТ, в Вахтанговский, в ГИТИС, мне казалось это беспринципным. Я сдала свои документы только в Художественный театр, мечтала только о нем. Но между вторым и третьим турами во МХАТе очень большой перерыв. Моя мама, как все родители, сказала, что наверняка меня не примут во МХАТ, что данных у меня никаких нет, что все дети, как дети, сдают сразу во все вузы, а вот я только во МХАТ. И застави-

КРУПНЫМ ПЛАНОМ...

те, не в самом событии, которое глубоко запечатлелось, а в настроении, в интонации, которыми они окрашены.

Итак, мы сидим за столом. Нас несколько человек разного возраста, профессии, характеров, взглядов. Перед каждым — чашка кофе, а передо мной еще блокнот и карандаш.

Впрочем, не исключено, что все это мне только показалось, что в комнате я одна, что просто вспомнила о своих последних встречах, связанных с моим маленьким экспериментом. Но так ли это важно? Важнее другое — эти люди, которые, вероятно, не встречались друг с другом, тем не менее действительно оказались в чем-то очень похожими друг на друга. Было впечатление, что они на самом деле сидят за одним столом и ведут беседу — о самом ярком или самом смешном или самом драматичном воспоминании своей молодости.

Итак, Иван Семенович Хорол, кандидат медицинских наук. Занимается он проблемой, нелегкой даже для произнесения — перенапряжением головного мозга.

Начнем наш эксперимент.

— Расскажите, Иван Семенович, о самом ярком воспоминании вашей юности.

— Я вспоминаю случай, который со мной произошел на последнем курсе медицинского института. Все годы, учась в институте, я страстно мечтал поступить в театральную школу и посвятить себя эстраде, театру. Это была мечта всей моей жизни. И вот, будучи на шестом курсе, я решил поехать в Ленинград и обязательно попасть к большому актеру, народному артисту Аркадию Райкину.

Я приехал в Ленинград. С большим трудом созвонился с Райкиным, он меня любезно принял.

И вот у него дома будущий врач рассказывает о себе. На столе маленький магнитофон, который записывает все то, о чем я рассказываю.

Райкин молча выслушивает мою длинную, бесконечную тираду о врачебной деятельности, о том, что я буду делать в медицине. Я говорил очень темпераментно, очень длинно. Мой собеседник очень терпелив и молчалив.

В конце я вдруг попросил его прослушать меня, потому что я хочу посвятить себя театру, эстраде, то есть тому жанру, в котором он так знаменит и достиг такой популярности. Райкин молча посмотрел на меня, ничего не говоря, вырвал из блокнота листок и написал несколько слов. Он обратился с этим кратким письмом к народному артисту Советского Союза, ныне покойному Рубену Николаевичу Симонову.

«Дорогой Рубен Николаевич! Примите и выслушайте этого больного врача. Райкин». Ну, вот и все. Я остался врачом и лечу людей. Доволен.

И еще один рассказ. Рассказ популярной актрисы и режиссера театра «Современник» Галины Волчек:

ла меня пойти и отнести свои документы в Вахтанговское училище.

Когда я пришла в училище, шел заключительный тур. Я нашла директора. «Очень вас прошу, — сказала я, — можно мне почитать?». «Да нет, ну, что вы, ни в коем случае. Вы опоздали». Я его стала уговаривать, тогда он посмотрел на меня жалостливым взглядом и сказал: «Деточка, ну в общем я бы мог даже нарушить порядок и разрешить вам прочитать, но какой смысл, посмотрите на себя. Не стоит вам идти в актрисы, правда. Вы неглупая девочка, видимо, ну, пойдите куда-нибудь, ну, в журналистику. Ну, мало ли есть хороших институтов. Кончите, будете иметь профессию».

Но тут я разрыдалась и стала говорить: «Нет, разрешите мне, пожалуйста, я только прочитаю». Он, видимо, меня пожалел и сказал: «Ну, хорошо, войдете в последней пятерке».

Когда я вошла и члены приемной комиссии увидели мою нелепую фигуру, они стали, не скрывая своего удивления, улыбаться. Подошла моя очередь. Я вышла, впервые увидела на себе прожектора, стала жмуриться, потому что никогда до этого на сцену не выходила. Это им показалось еще смешнее. Они уже стали почти вслух смеяться. Это было, наверное, обидно и унижительно, но я ничего этого не замечала, шла твердо к одной цели — прочитать свой отрывок и доказать, что я могу быть актрисой. Наконец, кто-то сквозь смех, сказал: «Ну, пожалуйста, читайте». Я прочла. Услыхала: «Подойдите к столу». Я подумала, боже мой, сейчас мне опять будут говорить, зачем я иду на актрису учиться, лучше бы мне куда-нибудь в другой институт. Я подошла, и тогда Иосиф Моисеевич Толчанов — прекрасный актер, замечательный человек — мне сказал: «Ну, вы приняты, против нет никого?». И все сказали: «Нет, нет мы за, за». И тут я разрыдалась снова. Я плакала, и слезы мои прыгали на стол. Я говорила: «Я не хочу вашего Вахтанговского училища. Я понимаю, что, может, театр Вахтангова самый лучший в мире. Но вот у меня мхатовские буквы прыгают перед глазами, я хочу только во МХАТ». Они решили тогда, что я совершенно сумасшедшая и сказали: «Как? Вы же пришли, вы же умоляли, чтобы мы разрешили вам сдать сегодня этот экзамен?». Я сказала: «Меня заставила мама. Я хочу только во МХАТ, и не мыслю себя вне Художественного театра».

И я стала студенткой студии МХАТа.

Ну что, удался ли эксперимент? Не будем спешить с выводами. Тем более, что мы пока ограничили сопоставлением только двух очень разных человеческих судеб. И все-таки уже сейчас мне кажется, что есть нечто общее, и в отборе фактов, и в тональности, с которой они рассказаны актрисой Галиной Волчек и врачом Иваном Хоролом.

Кира ЛЕБАНИДЗЕ.